
Глава 1

Осень в городе Ло выдалась пышной: в больничном дворе всюду цвели китайские яблоньки, пылая яркой, жизнеутверждающей свежестью.

По тихому коридору уверенным, чеканным шагом шел мужчина в белоснежном халате. Полы его одежды едва заметно развевались при ходьбе. Он направился к самому концу пролета, где за панорамным окном раскинула ветви пышная крона.

Там, у самого стекла, замер одинокий силуэт.

— Господин Су, ваше заявление на выписку одобрено, — произнес доктор Сюй, на ходу делая пометки в планшете. — Я поручил медсестре собрать необходимые лекарства, через пару минут...

— Спасибо, — раздался тихий, мягкий голос.

Доктор Сюй поправил дужку очков и поднял взгляд.

Перед ним стоял человек, чья внешность излучала удивительное, прирожденное благородство. На губах угадывалась едва заметная, нескончаемая теплота, а в глубоких, как черный обсидиан, глазах, несмотря на всю житейскую грязь, сохранялась поразительная, кристальная чистота.

Сюй на мгновение задумался. За весь месяц, что этот кроткий господин Су провел в палате, его никто не навестил. Ни единая душа. Он лежал в абсолютном одиночестве, и лишь сиделка время от времени заходила выполнить поручения.

Врачебная этика не позволяла лезть в душу, но доктор не мог не заметить: на изящном, белом, словно резной нефрит, пальце господина Су блестело обручальное кольцо.

«Он же женат... Неужели супруг за целый месяц так и не нашел времени приехать?»

Вся больница знала господина Су. Он был неизменно вежлив и с персоналом, и с другими больными. Доктор Сюй вспомнил, как недавно в отделение привезли тяжелого пациента, а свободных палат не оказалось. Господин Су, случайно услышав разговор, без колебаний предложил отдать свою, перебравшись на диван в процедурной. Когда родные больного со слезами рассыпались в благодарностях, он лишь мягко улыбнулся и стал утешать их самих, словно это не он сделал благородный жест, а они.

— Доктор Суй, что-то еще? — с легким смущением поинтересовался Су У, заметив пристальный взгляд врача.

— А? Нет-нет, все в порядке, — спохватился тот.

После коротких напутствий Су У вернулся в палату, чтобы собрать скромные вещи. Перед самым выходом медсестра вручила ему букет: доктор Суй заказал его специально для него. «Цветы при выписке — маленькое внимание от вашего лечащего врача», — передала она его слова.

Су У благодарно улыбнулся и вызвал машину.

Вскоре у главных ворот остановился черный седан. Су У опустил на заднее сиденье. Водитель взглянул на него через зеркало заднего вида.

— Господин Су... мне стоит сообщить господину Мэну о вашей выписке?

— А он разве не знает? — тихо спросил Су У. — Я ведь пролежал в больнице целый месяц.

Шофер мгновенно осекся. Он вспомнил, что господин Мэн в последнее время не вылезал из командировок и бесконечных совещаний и ни разу не поинтересовался, почему дома пусто.

Заметив неловкость водителя, Су У лишь слегка улыбнулся:

— Впрочем, не важно. Должно быть, он очень занят.

— Да... Именно так, господин Мэн невероятно занят, — смущенно подхватил шофер.

Когда Су У наконец переступил порог своей квартиры и зажег свет, его встретила звенящая тишина. Помещение сияло чистотой — прислуга явно приходила каждый день.

Переобувшись в домашние тапочки, Су У достал белоснежную фарфоровую вазу, налил свежей воды и принялся аккуратно подрезать стебли лилий из подаренного букета, чтобы они простояли дольше.

В этот момент тишину разбил звонок мобильного. Нажав на громкую связь, Су У услышал взволнованный, почти кричащий голос:

— Су У! Ты лежал в больнице и даже ничего мне не сказал?!

— Ты ведь был на съемках в Швеции, — мягко и терпеливо ответил Су У. — Я не хотел тебя отвлекать. К тому же... это была обычная простуда с небольшой температурой.

— Какая еще простуда на целый месяц?! — распалялся Сун Чжао на том конце провода. — Ты вечно всё от меня скрываешь!

— Я просто не хотел, чтобы ты волновался. Смотри, сейчас ведь со мной все в порядке.

— Ты вообще не считаешь меня за друга!

— Чжао-чжао, ну не сердись, — ласково проговорил Су У.

Интонация была настолько убаюкивающей, что запал Сун Чжао мгновенно иссяк.

— Вечно ты находишь слова, чтобы меня успокоить... — проворчал он.

— Потерять такого друга, как Чжао-чжао, было бы непростительной глупостью.

Су У продолжал улыбаться. Мягкий свет люстры падал на его лоб и отражался в чуть приподнятых уголках губ.

— Язык у тебя без костей, — вздохнул Сун Чжао. — И как только твой благоверный до сих пор не понял, какую ценой тебя нужно беречь...

Су У не ответил. На мгновение его пальцы, сжимавшие ножницы, замерли.

— Кстати, о нем! — продолжил Сун Чжао, и в его голосе снова закипели ядовитые нотки. — На днях я видел пост моей троюродной сестры. Твой так называемый муженек на каком-то деловом приеме расхаживал под ручку с каким-то юнцом! Ни стыда, ни совести — и дома не бывает, и на стороне хороводы водит. Я чуть не лопнул от злости! Ты с этим гадом уже десять лет, а стоит вбить в поиск «Мэн Чэнсю», так первые десять страниц — сплошь его любовные похождения!

Сун Чжао буквально задыхался от праведного гнева. Он искренне не понимал, за какие грехи такому чистому человеку, как Су У, достался этот законченный мерзавец.

— Он не знал, что я болен, — попытался защитить мужа Су У, но при слове «десять лет» его рука невольно дрогнула.

— Что?! — Сун Чжао окончательно вышел из себя. — Он даже не в курсе?! Ах ты пёс комолый... Всё, я беру билеты и лечу назад, я с него шкуру сдеру!

— Чжао-чжао, успокойся, не нужно беречь себе душу, — ласково перебил его Су У. — Давай лучше поговорим о чем-нибудь другом.

Они проговорили еще немного, после чего в трубке раздались короткие гудки.

Су У тихо вздохнул и взглянул на экран. В самом верху списка контактов висел закрепленный диалог. Он перешел в чат. Последние сообщения датировались прошлым месяцем: Су У спрашивал, приедет ли Мэн Чэнсю ужинать.

Белые подушечки пальцев скользили по стеклу. Вся переписка состояла из его собственных безответных вопросов. Он выглядел как клоун на сцене, который изо всех сил пытается развлечь пустое кресло в партере — зритель давно ушел, даже не взглянув на представление.

От этой мысли в груди неприятно закололо, словно сквозь ребра проник ледяной осенний сквозняк.

Однако Су У быстро сдержал эмоции и уже собирался закончить с цветами, когда телефон в его руке снова ожил. На экране вспыхнуло имя, знакомое до последней черточки.

Су У провел пальцем по экрану и прижал трубку к уху:

— Алло, Чэнсю...

Его голос прозвучал тихо и мягко, словно весенний ветерок.

Но на том конце провода слышали лишь назойливый шум.

— Ты почему последнее время не звонишь? — раздался резкий бархатный баритон с явными нотками надменности и глухого раздражения. — Ни сообщений, ни вызовов. Забыл о моем существовании?

За целый месяц Мэн Чэнсю даже не заметил, что его супруг попал в больницу.

Не заметил... или ему просто было все равно?

Сердце Су У камнем ухнуло вниз.

— Я боялся помешать твоей работе... Чэнсю, ты уже ужинал? Хочешь, я приготовлю твои любимые блюда?

— Я помню, тебе нравятся нефритовые креветки из Цзяньцзяо, кукурузный суп со свинными

ребрышками и опятами из Терема Повествований и тушеные стебли цицании широколистной из Сиша...

Су У на память перечислял кулинарные пристрастия мужа — так привычно, словно повторял эту молитву сотни раз.

Он ждал ответа, но вместо этого из динамика донесся едва слышный, насмешливый смешок.

Су У замер. Пальцы до боли сжали корпус телефона.

— Чэнсю... ты не один?

Мэн Чэнсю вальяжно откинулся на спинку кожаного дивана в полумраке ресторанный VIP-кабинета. Изнеженная красотка, сидевшая рядом, гибко потянулась к нему, обвивая руками его шею. Заметив, что мужчина не возражает, она смелее прижалась к его плечу.

В свете приглушенных ламп дорогой камень на его запонке вспыхнул холодным блеском. Вся поза Мэн Чэнсю выражала аристократическое изящество, но тонкие губы искривила надменная ухмылка.

— Друзей рядом нет, — небрежно бросил он в трубку.

Су У только успел перевести дыхание, как Мэн Чэнсю добавил:

— Зато здесь есть одна хорошенькая дамочка.

Мужчина повернул голову к спутнице:

— Ну-ка, подай голос.

— Господин Мэн... — с придыханием протянула женщина, кокетливо проведя пальчиком по его груди.

— Слышал? — с вызовом спросил Мэн Чэнсю.

Лицо Су У мгновенно утратило последние капли цвета. Связки точно сжало спазмом. Потребовалась целая вечность, чтобы вернуть способность говорить:

— Чэнсю... а ты помнишь, какой сегодня день?

— И какой же? — лениво отозвался тот. — Неужели очередной великий праздник?

— Сегодня мой день рождения.

День его рождения. И первый день после выписки из больницы.

— И что с того? — в голосе Мэн Чэнсю прозвучало откровенное презрение. — С какой стати меня должен волновать твой день рождения? Кем ты себя возомнил? Если бы не твои родители, благодаря которым ты вообще переступил порог моего дома, ты бы и мечтать о подобном не смел. Прекрати донимать меня всякой чушью.

Су У затаил дыхание. В груди возникло ощущение, будто легкие затапливает ледяной водой. Он погружался на дно, а единственный человек, способный подарить спасение, стоял на берегу и с холодным любопытством наблюдал за его гибелью.

— Я звоню только потому, что через пару дней твои отец с матерью просили нас заехать, — сухо отрезал Мэн Чэнсю. — Считаешь, я набрал твой номер по своей воле?

Это был его единственный звонок за два месяца. И причина оказалась именно такой.

Су У даже не понял, в какой момент в трубке раздались короткие гудки.

Пришел в себя он только тогда, когда острая боль пронзила подушечку пальца. Зазевавшись, он полоснул по коже лезвием ножниц, и на поверхность выступила алая капля крови.

Су У отыскал в аптечке пластырь, заклеил рану и доделал оставшуюся работу. Когда белоснежные лилии наконец расположились в вазе, хаос в его душе немного улегся.

Он бросил взгляд на настенные часы. Стрелки отсчитывали поздний час.

Су У подумал, что из-за выписки совсем забыл заказать себе праздничный торт. Ему хотелось устроить хотя бы небольшое подобие праздника, но, глянув на время, он решил никому не доставлять хлопот.

Он уже собрался отложить телефон, когда экран зажегся от очереди уведомлений. Сун Чжао прислал кучу теплых поздравлений и целую россыпь электронных денежных подарков.

Су У тихо и искренне улыбнулся. Беглые движения пальцев по клавишам ответили другу словами благодарности. В тихой, погруженной во мрак спальне его улыбка наконец обрела живое тепло.

Время летело неумолимо. Настенный циферблат зафиксировал полночь.

В день своего двадцативосьмилетия Су У так и не получил сообщения от человека, которого любил всем сердцем.

И от родной семьи... тоже не дождался ни слова.

Никто из них не вспомнил.

Впрочем, это уже не имело значения. Ведь у него был друг, который помнил о нем — и этого было вполне достаточно.

<http://bllate.org/book/20050/1990480>